

По стопам Ломоносова

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Зима в Архангельском крае – это самодовольное торжество ночи. Светает здесь так поздно, а темнеет так рано, что эти три-четыре часа сумеречного солнечного света язык даже не поворачивается величать словом «день». И вот каждый день в крошечной темноте, с трудом находя тропинку меж высоченных, в человеческий рост, грузных сугробов, маленький мальчик отправлялся в школу. Путь был неблизкий, километра полтора, так что времени на размышления о смысле жизни хватало. И хоть было в ту пору мальчику немного лет – не больше десяти, и нигде, кроме Архангельска да близлежащих деревень, ему побывать пока не удалось, он остро переживал некую ущербность этого края и мучился догадками, что за пределами родных для него мест жизнь гораздо интереснее. Уже тогда он твердо осознал полную неприемлемость для себя того, что именно здесь он проживет всю свою жизнь. Мальчика звали Женя Ермолин.

Мама Жени по окончании медицинского училища отправилась по распределению в одну из множества затерявшихся в архангельских лесах деревню, где и нашла на какое-то время свою судьбу, будущего Жениного отца. Там, на реке Онеге, и появился на свет герой нашего сегодняшнего рассказа. Семейная жизнь у родителей не сложилась по причине абсолютного противоположных характеров: мама была максималисткой – все или ничего, тяготела к жесткому распорядку во всем. У отца же было, напротив, столь мощное стремление к свободному стилю жизни, что подогревалось и его профессией – он закончил мореходку, был штурманом. Как это ни печально, но родители расстались, когда Жене исполнился всего год. Мама решила перебраться в Архангельск, а

стул, на котором некогда сидел великий государь. Однако дальнейшая судьба этого предмета мебели так и осталась под покровом тайны.

Самая яркая деталь того деревенского пятилетия Жениной жизни едва не обернулась трагедией. Дело было зимой. Деревня располагалась по двум берегам бурной и опасной реки. Она даже в лютые морозы не успевала промерзнуть. По деревянному настилу, перекинутому через реку, трехлетний Женя пробирался с пятилетней подружкой на другой берег. Поскользнувшись, с этого настила он и низвергся в полынью. Удивительно, что спутница – почти ровесница не растерялась и умудрилась как-то вытащить незадачливого ныряльщика из ледяной воды. Очевидно, это падение так отпечаталось в детском сознании, что норовис-

ричок пробежал через всю комнату, шмыгнул под стол, на котором стояла швейная машинка «Зингер» (кормилица всей семьи), и пропал. Этот неожиданный визит выгнал юного хозяина дома просто в паническое состояние. На крик сбежались все соседи, однако, узнав о причине плача, разубеждать в существовании чудного старичка не спешили. Ну, жили в архангельской деревне домовые испокон веков, что ж тут необычного? Присутствие домового подтверждалось и другими фактами. Бабушка рассказывала, что, когда в 43-м на фронте погиб ее муж, дедушка Жени, за печкой кто-то громко рыдал. А похоронку принесли лишь спустя некоторое время. Вполне логично объяснялась и одинаковость штанишек у мальчика и старичка-домового: считалось, что хранитель дома похож на мужчину-хозяина. А поскольку единственным мужчиной в доме на тот период времени был мальчик Женя, вот вам и отгадка схожести фасонов.

Мама своими приездами баловала редко. Однако, когда они случались, привозила сыну городские обновки, в коих Женька и щеголял на деревенских улицах, заметно отличаясь от сверстников. Но главным даром были книжки. Их было немного, поэтому от многократного прочтения вслух истории и сказки быстро заучивались с голоса. Любимой книгой того времени, когда Женя еще не научился читать сам, была «Муравьиная страна». Однако лет в шесть мальчик вдруг в одночасье, без чьей-то помощи освоил грамоту и сразу принялся стужировать газеты.

Примерно к этому времени относится и «глобальное переселение народов» – переезд бабушки и Жени из деревни в Архангельск, где мама получила комнату в бараке. Путешествие оказалось длинным: сначала до Емецка на лодке, потом до конечной цели – на пароходе, медлительном, многопалубном, с трубой, которая нещадно дымилась. Переезд в другой город не был для тех краев явлением исключительным. Испокон веков жители Архангельского края время от времени срывались с насиженных мест и отправлялись на заработки. Как свидетельство таких путешествий в доме долгое время хранилось расписное

керамическое яйцо с двумя ушками для веревочек. Его вешали на стену «для красоты», непременно сопровождая комментарием о том, что яйцо это – сувенир аж из самого Зимнего дворца, где некоторое время служил то ли лакеем, то ли истопником дальний родственник семьи.

Пересаженный в городскую почву, замкнутый, углубленный в свой внутренний мир, Женя приживался с трудом. Очевидная приклатненность мальчишек с городских окраин не в лучшую сторону отличала их от компанейских деревенских друзей детства. Женю не то чтобы обижали, однако, признавая за ним некоторую странность, к коей относились и школьные успехи, и непохожесть на них самих, держали на расстоянии. Отсутствие общения со сверстниками Женя легко компенсировал чтением. Книгочеем он был, прямо скажем, запойным. Именно чтение расширяло горизонты достаточно замкнутой в обыденности жизни, заставляя осознавать неприемлемость собственного существования в этой среде.

Особой любовью пользовались рассказы о путешествиях. И, рассуждая вполне здраво, Женя решил стать именно путешественником. Но поскольку в то время считалось, что путешественник – это не профессия, то подросток выбрал нечто близкое по духу, облюбовав журналистику, лучше всего международную. К выбору профессии подошел логическим путем, рассуждая, что главное в работе журналиста – это поездки, встречи с интересными людьми. Принятие судьбоносного решения стало мощным стимулом в учебе – школу Евгений Ермолин окончил с золотой медалью. Следующим этапом стал факультет журналистики МГУ...

...Сегодня заведующий кафедрой культурологии педагогического университета имени Ушинского, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, академик Академии русской современной словесности Евгений Анатольевич Ермолин нет-нет да и вспомнит того мальчишку, который, бредя меж сугробов и звезд в школу, размышлял о смысле жизни.

Лариса ДРАЧ.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

крошку-сына перебросили другой бабушке, в другую деревню. Так с бабушкой Женя и прожил вольным деревенским пацанком (несмотря на младость лет, он был вынужден рано стать самостоятельным – следить за ним было особо некому, бабушка работала в колхозе) до пяти лет.

Несмотря на некую оторванность от большого мира, места, где прошло Женино детство, были кроме живописности достаточно знаменитые. Здесь еще до постройки железной дороги в Архангельск располагался старинный тракт. Сохранилась легенда, что именно по нему пролегал путь Петра Великого, когда он отправлялся в Архангельск на судоверфи. Более того, говорили, что в соседнем селе даже сохранился

тых северных речек Женя опасался чуть ли не до окончания школы. Да и не принято было в тех краях бултыхаться в воде – за короткое лето вода не успевала прогреться, и плавать из детворы умели единицы.

Другое памятное событие детства тоже было не из рядовых. Довелось Жене повстречаться... с домовым. Дело было так. Сидел малыш в полном одиночестве дома, играл во что-то. И вдруг из-под порожка выскочил старичок, ростом аккурат с Женю. Был он совершенно материален, не какое-то там полупрозрачное создание-видение, в коротких штанишках с ляпочками крест-накрест. Точно такие же штанишки были и у Жени. Вынырнув из-под порожка, ста-